

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫК И МИР

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫК И МИР

**К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИНЫ ДАВИДОВНЫ АРУТЮНОВОЙ**

**Ответственный редактор
М. Л. Ковшова**

**Москва
2024**

УДК 81
ББК 81
Л 69

*Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением науки
Институтом языкознания РАН*

Редколлегия

д.ф.н. *М. Л. Ковшова* (отв. ред.),
д.ф.н. *В. З. Демьянков*, к.ф.н. *П. С. Дронов*, д.ф.н. *И. В. Зыкова*,
к.ф.н. *О. С. Орлова*, д.ф.н. *О. В. Соколова*, д.ф.н. *Т. Е. Янко*

Рецензенты

д.ф.н., профессор
Института русского языка им. А. С. Пушкина *Н. Г. Брагина*
д.ф.н., главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН *Н. А. Фатеева*

**Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения
Нины Давидовны Арутюновой / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: «Канцлер»,
2024. 510 с.**

ISBN 978-5-907773-96-7

В книге анализируются модели мира, которые представлены в языках и культурах и находят выражение в тексте и дискурсе. Основное внимание уделено способам концептуализации мира, отраженным в семантике, грамматике, прагматике разных языков. Концепт мира исследуется в историко-этимологическом, понятийно-логическом и аксиологическом аспектах. Рассматриваются вопросы, связанные с изучением культурно-языковой личности, ее когнитивных и эмоциональных форм их проявления. На материале разных языков, стилей и жанров исследуются вопросы перевода и переводимости. Взаимодействие языка, человека и мира осмысливается в связи с широким кругом семиотических проблем, что позволило включить в рассмотрение кинотекст, формы социальной коммуникации и др.

Книга предназначена для лингвистов, филологов, философов, логиков, культурологов.

ISBN 978-5-907773-96-7

© Коллектив авторов, текст, 2024
© Издательство «Канцлер», оформление, 2024

**INSTITUTE OF LINGUISTICS
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

LOGICAL ANALYSIS OF LANGUAGE

LANGUAGE AND WORLD

**IN MEMORIAM NINA D. ARUTYUNOVA
ON THE OCCASION OF HER 100TH BIRTHDAY**

**E d i t o r - i n - c h i e f:
M. L. Kovshova**

**Moscow
2024**

UDC 81
Russian Library Classification 81
L 69

Authorized by
Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences

Editorial board

M. L. Kovshova, Ph.D. (Habil.) – editor-in-chief,
V. Z. Demyankov, Ph.D. (Habil.), *P. S. Dronov*, Ph.D., *O. S. Orlova*, Ph.D.,
O. V. Sokolova, Ph.D. (Habil.), *T. Ye. Yanko* Ph.D. (Habil.),
I. V. Zykova, Ph.D. (Habil.)

Reviewers

N. G. Bragina, Ph.D. (Habil.), Professor,
Pushkin State Russian Language Institute
N. A. Fateeva, Ph.D. (Habil.), chief research fellow,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

**Logical Analysis of Language. Language and World. In Memoriam
Nina D. Arutyunova on the Occasion of her 100th Birthday / M. L. Kovshova**
(editor-in-chief). Moscow: Kanzler, 2024. 510 p.

The book analyses world models of various languages and cultures that are expressed in texts and discourses. The papers presented emphasise the means and manner of conceptualising the world in semantics, grammar, and pragmatics of different languages, studying the historical and etymological, notional, logical, and axiological aspects of the concept in question. The studies raise the question of cultural and linguistic personality, cognition and emotions connected to it, as well as their manifestation. The book includes case studies of translation and translatability based on different languages, styles, and genres. Interaction between language, humans, and the world is conceptualized and interpreted within a wider scope of semiotic problems, which enables to factor in cinematic text and discourse, social communication, etc.

The book is aimed at linguists, scholars of literature and culture, philosophers, logicians, as well as anthropologists.

ISBN

© Joint authors, 2024
© Designed by Kanzler Publishers, 2024

Нина Давидовна Арутюнова
(1923–2018)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковишова М. Л.</i> От редактора.....	10
<i>Плунгян В. А., Рахилина Е. В.</i> Вспоминая Нину Давидовну.....	14
<i>Арутюнова Н. Д.</i> Отзвуки былых эпох в современном русском языке... 17	

ЯЗЫК. МИР. ЛИЧНОСТЬ

<i>Васильева Н. В.</i> Человек в разных мирах и пространствах: ономастическая автобиография как антропограмма.....	28
<i>Демьянков В. З.</i> Сказать, не сказать, недосказать и пересказать: Соотношение коммуникации и когниции в работах Н. Д. Арутюновой.....	37
<i>Крылов С. А.</i> Об основных тематических разделах научного наследия Н. Д. Арутюновой.....	45
<i>Никитина С. Е.</i> Судьба души и тела в духовных стихах, или исход души от тела.....	57
<i>Постовалова В. И.</i> Любовь как духовная реальность и ее концептуализация в православном мирозерцании.....	66
<i>Рябцева Н. К.</i> «Логический анализ языка», когнитивный мир человека и новые цифровые технологии.....	76
<i>Урысон Е. В.</i> Представление о мысли в русском языке.....	85
<i>Циммерлинг А. В.</i> События. Факты. Фактивность	95
<i>Яковенко Е. Б.</i> Сердце, душа, дух в англосаксонской картине мира.....	117

ГРАММАТИКА. СЕМАНТИКА. ПРАГМАТИКА

<i>Ануфриев А. А.</i> Субъективная модальность в испанских конструкциях с пропозициональным дополнением: аксиологическая оценка vs эпистемический прогноз.....	127
<i>Борисова Е. Г.</i> Предицирование и предикативность (по данным русских усилительных частиц).....	137
<i>Иоанесян Е. Р.</i> Апеллятивные вводные конструкции с предикатами эпистемического модуля.....	148
<i>Кобозева И. М.</i> Оценка в семантике союзов (заметки на полях двух грамматик).....	157
<i>Крылова Э. Б.</i> Особенности функционирования глаголов мысли в датском языке.....	168
<i>Кустова Г. И.</i> Взаимодействие оценочных значений в атрибутивных сочетаниях: внутренняя и внешняя оценка.....	178
<i>Лазуткина Е. М.</i> Категория синтаксического лица и семантическая категория субъекта.....	188

В. З. Демьянков
Институт языкознания РАН

**СКАЗАТЬ, НЕ СКАЗАТЬ, НЕДОСКАЗАТЬ И ПЕРЕСКАЗАТЬ:
СООТНОШЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ
В РАБОТАХ Н. Д. АРУТЮНОВОЙ**

Аннотация

Проблеме содержания речи и тактик его передачи в тексте посвящен целый цикл работ Н. Д. Арутюновой. В них дается анализ проблемы пресуппозиции (того когнитивного фона, без которого сказанное теряет смысл) и иллюкуции. Особое влияние в этом отношении на Н. Д. Арутюнову оказали работы О. Дюкро.

По-русски на полноту соотношения замысла, формы и содержания речи указывает глагол сказать с различными префиксами или без префиксов (ср. *сказать* и *сказануть*). Глагол *пересказать* в этом отношении двусмыслен: он указывает на цитирование (вторичность, изложение в иной форме и от иного лица в иных обстоятельствах) и избыточность коммуникации («сказать больше, чем требуется»), противоречие скромному замыслу автора дискурса.

В литературе по «цитирующему» употреблению языка наиболее популярны два подхода: «семантический» и «буквалистский». При первом содержание пропозиций рассматривается в абстракции от формы, в которой предложение поступает к адресату. При втором же, интерпретативном, подходе не допускается рассматривать идеи в отрыве от формы, так что оказывается, что сами «мысли» всегда зависят от «синтаксических» деталей формальной реализации идей в дискурсе, будучи социально адаптированными к социокультурному окружению. Из последнего взгляда вытекает, что ценность идей зависит даже от «синтаксических чудачеств» конкретного языка.

Ключевые слова: коммуникативное и когнитивное лавирование, цитирующее упоминание чужой речи, имплицитность, дезимплицитирование общих знаний коммуникантов, алгебра речевого взаимодействия

1. Введение

Все знают: Нина Давидовна очень любила «Евгения Онегина», из которого любила цитировать большие отрывки, в частности, следующий:

[...] *Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,*

Но ей ничто не изменило:

В ней сохранился тот же тон,

Был так же тих ее поклон (А. С. Пушкин, Евгений Онегин. Глава VIII, строфа XVIII).

И далее:

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась

Иль стала вдруг бледна, красна...

У ней и бровь не шевельнулась;

Не сжала даже губ она.

Хоть он глядел нельзя прилежней,

Но и следов Татьяны прежней

Не мог Онегин обрести.

С ней речь хотел он завести

И — и не мог (А. С. Пушкин, Евгений Онегин. Глава VIII, строфа XIX).

Герой этого романа с детства умел лавировать и маневрировать в своих невербальных и вербальных действиях. Как светский человек своего времени, он владел искусством недомолвок и недосказанности, имплицитности. И как эксперт оценил он резкий и неожиданный рост этого мастерства в Татьяне.

Присуще маневрирование и домашним животным. Когда котенок кладет к вашим ногам веревочку с бумажным бантиком, он, пусть и не прямо, выражает желание половить эту мышку: «Папа, мама, поиграйте же со мной!». Привыкшие к игре обиняками, вы прикидываетесь, будто веревочку не замечаете. Зорко проследив направление вашего взгляда, котенок укоризненно-терпеливо положит веревочку на еще более видное место. Человек в этом случае сказал бы: «А вот Нина Давидовна меня всегда понимала».

Ниже будет представлена расширенная версия текста [Демьянков 2023].

2. Экспертное и авторское мастерство имплицитности

Научный стиль Нины Давидовны отличала и экспертная, и авторская любовь к имплицитности: мы помним ее фразу «Вперед!». Вычеркивайте второстепенное, если оно замедляет мысль, чтобы то, что заключено в сказанном, подгоняло слушателей к нужным выводам. Передача мысли на дальнее расстояние от буквальности сквозит в ее замечательных научных книгах и статьях.

Из таких мыслей, в их системе, образуется «практическое рассуждение»: «[...] тот вид мыслительной деятельности, который тесно связан с мыслящим субъектом — его вкусами, интересами и склонностями, а также с теми жизненными обстоятельствами, в которых он находится. Практическое мышление — это обдумывание и анализ положений дел, поиск выхода из жизненных ловушек и лабиринтов, предвидение возможных последствий той или иной акции, прогноз на будущее и его программирование. Если итог логического мышления — установление истины, то итог практического

рассуждения — принятие решения или совет, рекомендация. И то и другое содержит проект будущих действий. В этой своей части практическое рассуждение вербально. Решение может рассматриваться как автодиректива (оно часто так и выражается во внутренней речи: *Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои*)» [Арутюнова 1987: 5].

Необходимость выразиться небуквально, дав читателю возможность проявить свою проницательность, приводит нас к вопросу о том, как по тексту узнать, что не сказано явно, но содержится в речи, «самовольно в нее поместилось», помимо воли автора: текст наполнен имплицитным даже вопреки Эго и даже Супер-Эго автора, о чем свидетельствуют «фрейдовы оговорки».

В работах Н. Д. Арутюновой в этом ключе анализируются проблемы пресуппозиции (того когнитивного фона, без которого сказанное теряет смысл и истинностную оценку) и иллюкуции (коммуникативного намерения речи). Большое влияние в этом отношении на Н. Д. Арутюнову оказали работы О. Дюкро, особенно его книга [Ducrot 1972].

Ср.: «О. Дюкро полагает, что семантическое описание языка должно позволить вывести коммуникативную значимость высказывания, если даны обстоятельства, в которых оно было произнесено. Он предлагает разделить семантическое описание языка на два компонента: собственно лингвистический и риторический. В риторическом разделе семантики, по мысли Дюкро, должны быть даны правила определения эффективного (актуального) смысла высказывания, в том числе и его «второго смысла» (подразумеваемого)» [Арутюнова 1976: 55].

Современные нам концепции взаимодействия когниции и коммуникации из эпохи 1970–80-х гг. взяли на вооружение некоторые очень важные теоретические презумпции:

1. Рассматривать коммуникацию как основную лингвистическую функцию — значит признавать, что речь «по своей естественной нужде», по своему призванию, является речью для других и что язык выполняет свою роль только в той мере, в какой обеспечивает контакт, соприкосновение взглядов людей (ср.: «[...] considérer la communication comme la fonction linguistique fondamentale, c'est admettre que la parole, par vocation naturelle, est parole pour autrui, et que la langue s'accomplit elle-même dans la mesure seulement où elle fournit un lieu de rencontre aux individus» [Ducrot 1972: 1]).

2. Есть как минимум две разновидности имплицитности (того, что коммуниканты имеют в виду, не всегда называя):

— **Имплицитность высказывания:** принесенная веревочка вместо балетного миманса, изображающего то, как мы будем играть, бегать и скакать. По Дюкро, это «обыденный способ намекнуть на факты, которые не хотят явно упоминать, он состоит в том, чтобы представить вместо них другие факты, которые могут показаться необходимой причиной или следствием первых. Мы

говорим, что погода хорошая, чтобы дать понять, что мы собираемся погулять; мы говорим о том, что видели на улице, чтобы дать понять, что были на улице. Несколько более тонкий вариант того же метода, широко используемый пропагандой и рекламой, — состоит в том, чтобы представить аргументацию, которая включает несформулированный тезис, являющийся предметом имплицитного утверждения, в качестве необходимой предпосылки. Частицы типа французского *donc* (и русского *следовательно*) обычно употребляются в этом смысле. [...] *Некто пришел ко мне; следовательно, у него проблемы* подразумевает, что этот человек, возможно, приходил не просто так» («L'implicite de l'énoncé: un procédé banal pour laisser entendre les faits qu'on ne veut pas signaler de façon explicite, est de présenter à leur place d'autres faits que peuvent apparaître comme la cause ou la conséquence nécessaires des premiers. On dit qu'il fait beau pour faire savoir qu'on va sortir, on parle de ce qu'on a vu dehors pour faire savoir qu'on est sorti. Une variante, un peu plus subtile, du même procédé — variante largement exploitée par la propagande et par la publicité — consiste à présenter un raisonnement qui comporte comme prémise nécessaire, mais non formulée, la thèse objet de l'affirmation implicite. Une bonne partie des DONC utilisés dans le langage sont à cet effet. L'énoncé 'X, donc Y' est alors destiné à faire entendre une troisième proposition Z qui doit être vraie pour que Y puisse effectivement se déduire de X. « Un tel est venu me voir; il a donc des ennuis », pour faire entendre que la personne dont il s'agit ne saurait venir que par intérêt» [Ducrot 1972: 7–9]). А может, ему просто захотелось вас увидеть, подышать с вами одним воздухом.

— **Подразумеваемое** (sous-entendu), которое «следует искать не в самом высказывании, как продолжение или дополнение сказанного явно, а на более глубоком уровне, как условие осуществления акта речи. Таким образом, каждому закону дискурса может соответствовать определенный тип подтекста, при этом любой акт дискурса должен подчиняться этим законам» (ср.: «L'implicite n'est plus à chercher au niveau de l'énoncé, comme un prolongement ou un complément du niveau explicite, mais à un niveau plus profond, comme une condition d'existence de l'acte de l'énonciation. A chaque lois du discours on pourra donc faire correspondre un type particulier de sous-entendu, tout acte de discours laissant entendre qu'il satisfait aux conditions exigées par cette lois» [Ducrot 1972: 7–9]).

Продолжая эту мысль, Нина Давидовна замечает: «Логические импликации определяют корректное мышление, а коммуникативные импликации — корректное поведение» [Арутюнова 1976: 41].

Речевой акт не является «ни свободным, ни беспричинным, по крайней мере, в известных нам формах цивилизации. Во-первых, потому что должны быть соблюдены определенные условия, для того чтобы иметь право сказать нечто определенным образом. Во-вторых, потому что любая реплика должна быть мотивированной, отвечающей определенным потребностям или направленной

на определенные цели. Таким образом, для слушателя позиция, считающаяся законной, заключается в том, чтобы задаться вопросом, было ли говорящему разрешено говорить так, как он это сказал, и какие намерения он мог иметь при этом. Некоторые речевые акты интерпретируются как самолегитимизация: они направлены на то, чтобы заставить признать их законность, показывая получателю, что выполнены условия, делающие их законными или объяснимыми» (ср.: «L'acte de prendre la parole n'est en effet, au moins dans les formes de civilisation que nous connaissons, ni un acte libre, ni un acte gratuit. Le premier, parce que certaines conditions doivent être remplies pour qu'on ait le droit de parler, et de parler de telle ou telle façon. Le seconde, parce que toute parole doit se présenter comme motivée, comme répondant à certains besoins ou visant à certaines fins. Aussi est-ce, pour l'auditeur, une attitude considérée comme légitime, que de se demander si le locuteur était autorisé à parler comme il l'a fait, et quelles intentions il pouvait avoir en le faisant. Les questions 'De quel droit dis-tu cela?' ou 'Pourquoi dis-tu cela?' passent pour des questions raisonnables. Mais il se prouve, par ricochet, que ce cadre déontique et psychologique imposé à l'acte de parole peut être mis à profit par celui qui parle, ou par celui qui interprète, et utilisé pour introduire dans le discours une forme particulière d'implicite. Certains actes de parole, en effet, peuvent s'interpréter comme visant à faire admettre leur propre possibilité. Ce qu'il sont censés alors faire entendre au destinataire, c'est que les conditions sont remplies, qui les rendent eux-mêmes légitimes ou explicables» [Ducrot 1972: 8–9]). **Здесь-то мы и имеем дело с подразумеваемым (sous-entendu) как второй из двух разновидностей имплицитного.**

Обычно имплицитные взгляды бывают общими для коммуникантов: нарушение этого приводит к тяжелым последствиям. В нормальном случае выделяются, как минимум, четыре стратегии использования имплицитных презумпций [Ducrot 1972: 12–18], или «процедуры импликация или имплицирования (procédés d'implication ou procédés d'implications), в зависимости от связи между имплицитным и буквальным значением (que la forme du rapport existent entre signification implicite et signification littérale):

1) невольная имплицитность (l'implication comme manifestation involontaire),

2) сознательные или полусознательные стилистические маневры (les manoeuvres stylistiques, conscientes ou semi-conscientes),

3) коннотативная риторика (la rhétorique connotative),

4) подразумеваемое и подтвержденное значение (implication et signification attestée), лежащее между стилистическими маневрами и коннотативной риторикой; тогда создается впечатление, что сказанное является лишь вершиной айсберга, а дальше интерпретатор «сам, сам, сам» должен продвигаться на свой страх и риск, не всегда удачно нащупывая семантическое дно и рискуя захлебнуться и утонуть в прагматике сказанного.

3. Динамика и логика

Упомянув имплицитное, человек в своем дискурсе ориентируется, как минимум, на следующие нормы («деонтологию») акта пресуппозиции (la déontologie de l'acte de présupposer) [Ducrot 1972: 87]:

— **Сообщение должно быть динамичным**, простой повтор ограниченно допустим: в каждое следующее высказывание нужно вкладывать что-нибудь новое, чтобы не топтаться на месте (ср.: «Une condition de progrès. Il est interdit de se répéter: chaque énoncé est censé apporter une information nouvelle, sinon il y a rabâchage» [Ducrot 1972: 87]).

— **Сообщение должно быть логически связным**: не просто быть лишенным логических противоречий, но и находиться в относительно постоянных интеллектуальных мировоззренческих рамках, без которых дискурс теряет свою упорядоченность и превращается в список выдвигаемых тезисов. Иначе говоря, определенный мотив должен присутствовать и регулярно всплывать по ходу дискурса, пусть и ценою определенной избыточности (ср.: «Une condition de cohérence. Nous n'entendons pas seulement par là l'absence de contradiction logique, mais l'obligation, pour tous les énoncés, de se situer dans un cadre intellectuel relativement constant, faute duquel le discours se dissout en coq à l'âne. Il faut donc que certains contenus réapparaissent régulièrement au cours du discours, il faut que le discours manifeste une sorte de redondance » [Ducrot 1972: 87]). Ср. понятие изотопии в книге [Greimas 1966].

По-русски на полноту соотношения замысла, формы и содержания речи указывает глагол *сказать* с различными префиксами или без префиксов (ср. *сказать* и *сказануть*). Глагол *пересказать* в этом отношении двусмыслен: он чаще всего имеет в виду цитирование (вторичность, изложение в иной форме и от иного лица в иных обстоятельствах), но не избыточность коммуникации («сказать больше, чем требуется»), противоречащую скромному замыслу автора дискурса.

В литературе по «цитирующему» употреблению языка наиболее популярны два подхода: семантический и буквалистский. При первом содержание пропозиций рассматривается в абстракции от формы, в которой предложение поступает к адресату. При втором же, интерпретативном, подходе не допускается рассматривать идеи в отрыве от формы, так что оказывается, что сами «мысли» всегда зависят от «синтаксических» деталей формальной реализации идей в дискурсе, адаптируются к социокультурному окружению. Из чего вытекает, что ценность идей зависит даже от «синтаксических чудачеств» конкретного языка, см. [Демьянков 2021].

Когда же информационный занавес неожиданно падает, недосказанное и несказанное, осмелев, выходят на сцену, ослепляя нас своим откровенным нарядом и производя когнитивно-коммуникативный переполох, ради которого умолчание в руках опытного манипулятора и используется: этот эффект передается предикатом пропозициональной установки *оказывается*. Эта

ситуация неплохо схвачена в семантике глагола *сказануть*. Ср. сенсационные заголовки в СМИ типа *Кем оказался Павлик Морозов?* и *Каким был на самом деле Карл Маркс*.

Стоимость даже ничтожной информации тогда резко вырастет в цене, суля статусные доходы креативному доносчику, низводящему своего конкурента с пьедестала. Таков же мотив у маленького мальчика, возмущенного тем, что отец в умилении от младшей дочери все время повторяет *Дочь моя, дочь моя...* Передразнивая своего отца, в приступе ревности мальчик однажды не выдержал и выкрикнул: *Дочь моя, дочь моя... Да она и говорить-то толком еще не умеет!* Сколько невысказанного в этой реплике!

Подобное разоблачение следует своим законам «дезимплицирования», степень владения которыми у ребенка практически нулевая, а у взрослого говорит о профессиональной пригодности дискурсовода. Так, статья под названием «Что на самом деле случилось с Чапаевым» (Русская семерка, 1 марта 2023) (https://weekend.rambler.ru/people/50278844/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink) излагает свой материал по той шкале кинематографической мифологичности, которая связывается в народной памяти с героем Гражданской войны:

- 1) Чапаев почти не ездил верхом,
- 2) Психической атаки не было,
- 3) тонул ли Чапаев?
- 4) каковы национальность и настоящая фамилия героя,
- 5) сложные отношения с церковью,
- 6) георгиевский кавалер, негодный к службе,
- 7) измена жены и вдова погибшего товарища,
- 8) эсер-ударник,
- 9) кто такая Анка.

Логика доносителя такова: «Как его можно называть героем, если он даже не Р».

Этот драматический поворот очень близок к безыскусному примитиву уничтожения типа «Не было дедушки» в пьесе М. Горького «На дне». По порядку, в каком поданы подобные улики, видно, каковы идеалы проспективной аудитории в глазах разоблачителя и каковы идеалы у ниспровергателя. Так, квартиры и автомобили, вменяемые в вину разоблачаемому, входят в зачетку ценностей правдолюба и предполагаются ценными у его аудитории.

4. Заключение

Котенок настойчиво-игриво напоминает человеку о необходимости попрыгать. Опытный манипулятор и исследователь манипуляции (обычно это разные люди) опираются на рассудочную алгебру речевого воздействия, предсказывающую результаты речевых актов в конкретных обстоятельствах. Но вот кто играет с человеком, который все время что-нибудь да недосказывает

и иносказывает? Да к тому же и пересказывает, говоря больше, чем требуется или чем допустимо в конкретных обстоятельствах?

Установление стратегий и тактик имплицитности в рамках конкретных культур позволит разработать и усовершенствовать формальный аппарат для предсказания, «вычисления», действенности во взаимодействии коммуникации и когниции.

Опора на эмпирически выявленные приемы имплицитности позволит устанавливать степень действенности текстов, в частности, системами искусственного интеллекта. Жаль только, что Евгений Онегин этим результатом не воспользуется.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

Арутюнова 1987 — *Арутюнова Н. Д.* Практическое рассуждение и язык // *Сущность, развитие и функции языка* / Под ред. Г. В. Степанова. М.: Наука, 1987. С. 5–12.

Демьянков 2021 — *Демьянков В. З.* О вечной ценности идей в сиюминутных воплощениях // *Критика и семиотика*, 2021. № 1. С. 25–39.

Демьянков 2023 — *Демьянков В. З.* Имплицирование и дезимплицирование в коммуникативно-когнитивном маневрировании // *Когнитивные исследования языка*. Выпуск № 4 (55). Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2023. С. 32–35.

Ducrot 1972 — *Ducrot O.* Dire et ne pas dire: Principes de sémantique linguistique. Paris: Hermann, 1972. 283 p.

Greimas 1966 — *Greimas A. J.* Sémantique structurale: Recherche de méthode. Paris: Larousse, 1966. 262 p.